

Чжан Вэйдун просидел на диване минут десять, когда вернулся Сяо Цзюньгу. Едва переступив порог, он не стал ничего делать, а просто уставился на него холодным, пронизывающим взглядом. Чжан Вэйдун, лишенный возможности говорить, указал на кресло напротив, затем взял ручку и, склонившись над журнальным столиком, начал писать на листе белой бумаги.

Лицо Сяо Цзюньгу немного смягчилось. Он чинно опустился на диван и пристально посмотрел на него:

— Дун-цзы, почему ты ушел из дома без телефона? Я весь день за тебя волновался. Ты хоть что-нибудь ел?

Чжан Вэйдун проигнорировал вопрос и вывел на бумаге: Мне нужно развеяться.

Сяо Цзюньгу опешил:

— Ты ведь только что вернулся. Куда ты собрался опять?

Чжан Вэйдун продолжил писать: Я хочу уехать подальше. На месяц.

— Ни за что! — Сяо Цзюньгу тут же перешел в наступление, его тон стал жестким. — Дун-цзы, я уже договорился с врачом, это очень авторитетный психолог. Билеты куплены, завтра мы летим в Пекин.

Чжан Вэйдуна больше всего раздражала его привычка решать всё за других. Он напрягся, на лице застыла маска отчуждения.

— Дун-цзы, послушай меня, не упрямясь. Если ты откажешься лечиться, мы так и будем тянуть время. Я приказал заколотить окна. Как только ты согласишься сотрудничать, сможешь выйти из дома.

Чжан Вэйдун поджал губы и написал: Я сам справлюсь. Дай мне месяц.

Видя его решимость, Сяо Цзюньгу заколебался. Если Чжан Вэйдун не захочет лечиться, даже лучший специалист будет бессилён, а бесконечное ожидание ни к чему не приведет. Но отпустить его одного в другой город на целый месяц? Как он мог быть спокоен?

Поколебавшись, Сяо Цзюньгу предложил компромисс:

— Я поеду с тобой? Или пусть Чжоу Ли и Сяо Ба сопровождают тебя? В любом случае, кто-то должен быть рядом, иначе даже не думай.

Чжан Вэйдун бросил ручку — разговаривать с Сяо Цзюньгу больше не было сил. Ему просто требовалось время и пространство, а тот постоянно изображал заботу, наступая на горло. Если бы он мог говорить, то давно бы разразился ругательствами: он всего лишь хотел найти место,

где можно перевести дух, почему это так сложно?

С этого дня Чжан Вэйдун перестал есть. Даже воды не пил.

Он думал: пусть будет так. В конце концов, разве последние два-три года его жизни не были сплошным ожиданием, терпением и борьбой?

Как бы Сяо Цзюньгу ни уговаривал, Чжан Вэйдун оставался безучастным, даже когда тот пустил в ход свой главный козырь:

— Дун-цзы, не изводи себя ради того, чтобы позлить меня. Будь пайнкой, лечись, и я обещаю, что к этому времени в следующем году ты выпустишь новый альбом.

Чжан Вэйдун закрыл глаза, тихо лежа на диване. Следующий год казался ему бесконечно далеким. Если он не преодолеет свой психологический барьер сейчас, то не выдержит и нынешнего испытания — о чем мечтать в будущем?

После двух дней и одной ночи противостояния Сяо Цзюньгу сдался.

Правда, перед этим он с силой влепил Чжан Вэйдуну пощечину и холодно бросил:

— Неблагодарный.

Чжан Вэйдун действительно уехал далеко.

Он покинул шумный мегаполис, сел на поезд и отправился на север, пересекая провинции, пока не добрался до глухих горных лесов, чтобы найти приют в заброшенном старом храме. Здесь не было ни водопровода, ни электричества, а до ближайшего городка у подножия горы нужно было идти пешком четыре-пять часов. Каждый день в пять утра он вставал, носил воду, рубил дрова, подметал двор и читал утренние молитвы вместе с монахами. Днем, после обеда, он слушал беседы настоятеля о чань-буддизме, играл в го и листал сутры. Так проходил день за днем.

Поначалу он совсем не мог привыкнуть к такой жизни. После нескольких дней на постной пище без единого кусочка мяса он чувствовал себя слабым и разбитым. В горах было полно насекомых, а так как монахи не убивают живых существ, даже ароматические палочки от комаров были под запретом. Несмотря на то что Чжан Вэйдун мазался одеколоном, его руки и ноги были искусаны в кровь.

Чжан Вэйдун не из тех, кто боится трудностей. Хотя условия в храме напоминали времена до освобождения, он стиснул зубы и день за днем продолжал свой путь, пока постепенно не привык.

Он не спешил вернуть потерянный голос. Он позволил себе опустошиться, отдавшись на волю

звуков колокола, разносящихся на рассвете и закате.

Будда говорил, что все существа страдают.

Чжан Вэйдун прочувствовал это сполна. В одну из ночей, когда лил проливной дождь, он слушал, как капли барабанят по подоконнику, и ощутил невыразимую печаль. Он взял фарфоровую чашу, поставил ее на подоконник, чтобы ловить воду, время от времени тихонько постукивал палочками по краю, и в теплом свете масляной лампы написал свою первую за три года депрессии песню.

Без гитары, без синтезатора, без компьютера — он использовал самый примитивный способ аранжировки и до рассвета закончил текст.

Он назвал песню Вопрос к Будде.

Люди всегда спрашивают Будду: почему?

Но ответ Будды всегда двусмысленен, потому что Будда — это Будда всех живых существ, и ответ его — это ответ самих существ.

Тогда зачем люди спрашивают? Потому что они спрашивают самих себя...

Смысл песни, ее стиль и тон были определены, но требовалась доработка, наложение инструментов, чтобы музыка стала глубокой и насыщенной.

Написав песню, он спросил себя: Чжан Вэйдун, ты хочешь петь?

Затем он горько усмехнулся: какой глупый вопрос. Это все равно что спросить кита: любишь ли ты океан? Или орла: любишь ли ты летать?

Прожив в древнем храме двадцать дней, Чжан Вэйдун попрощался с монахами и настоятелем, собрал вещи и спустился с горы.

Вернувшись в Гуанчжоу, первым делом он отправился домой, включил компьютер и с помощью музыкального редактора записал ноты. Взяв в руки гитару, к которой давно не прикасался, он раз за разом играл мелодию, обдумывая и внося правки, отдаваясь творчеству без остатка, не зная усталости.

Когда Сяо Цзюньгу вошел в квартиру, он услышал приятный звук гитары. Он остановился за дверью, прислушиваясь, и закурил.

С того дня, как Чжан Вэйдун ушел, прошел ровно месяц. Ни днем больше, ни днем меньше. Сяо Цзюньгу прикрыл глаза, с души словно упал тяжелый камень.

Он медленно докурил сигарету и только потом толкнул дверь:

— Дун-цзы, добро пожаловать домой.

Чжан Вэйдун, обнимая гитару, поднял голову и с нескрываемым раздражением взглянул на мужчину:

— Босс, сегодня не пятница.

Услышав этот чарующий голос, Сяо Цзюньгу улыбнулся, и, бесстыдство его не знало границ, он возбудился.

Он скрестил руки на груди, с улыбкой рассматривая Чжан Вэйдуна с головы до ног, не упуская ни одной детали, словно его взгляд превратился в зубы, готовые медленно разорвать и проглотить его целиком.

Чжан Вэйдун не удостоил его добрым словом:

— Не мешай мне. Проваливай.

Сяо Цзюньгу, разумеется, никуда не ушел. Будучи бизнесменом, он начал рассудительно сводить счета:

— Дун-цзы, сегодня действительно не пятница, но ты отсутствовал целый месяц. Сам скажи, сколько пятниц ты мне задолжал?

Чжан Вэйдун, не найдя что ответить, в раздражении отвернулся.

Сяо Цзюньгу подошел ближе, опустился на колени на пол и обнял его со спины, прямо заявив:

— Какой же ты скупой. Думал, если я не напомню, ты отмахнешься? Ладно, не буду с тобой спорить. Верни мне хотя бы один день, а? Я хочу тебя. Прямо сейчас.

Сказав это, он одной рукой обнял Чжан Вэйдуна, а другой забрался под одежду, начав бесцеремонно его лапать.

Чжан Вэйдун окончательно вышел из себя, все его самообладание рухнуло, и он сквозь зубы выругался:

— Какого черта, ты совсем совесть потерял!

Для Сяо Цзюньгу физическое удовлетворение было важнее приличий. Он, не слушая возражений, навалился на Чжан Вэйдуна, задрал на нем одежду и со смаком стал облизывать его живот. Чжан Вэйдун похудел, казалось, он стал даже выше, а его тело — крепче и бодрее. Сяо Цзюньгу языком прокладывал путь по его коже, гладкой и упругой, а легкий солоноватый привкус дразнил его чувства, приводя в восторг.

Чжан Вэйдун знал, что не вырвется. С отвращением нахмурившись, он пнул его:

— Не используй рот.

Сяо Цзюньгу пришлось недовольно отстраниться. Он достал презерватив и смазку, поставил Чжан Вэйдуну в коленно-локтевую позу, наспех подготовил и, не дожидаясь, вошел в него. Чжан Вэйдун зажмурился, стиснув зубы, изо всех сил стараясь терпеть. Его собственное тело было безжизненным, а внутри царила пустота.

Но Сяо Цзюньгу было плевать на его реакцию. Ему просто нравилось трахать Чжан Вэйдуну, нравилось видеть, как его член входит и выходит из него — одно это зрелище приводило его в экстаз. Он прекрасно знал, что Чжан Вэйдун считает его животным, нет, даже хуже животного. Ну и что? Разве он не вынужден покорно подставляться?

Наслаждение — вот единственная реальная вещь, а к черту приличия!

Трахать тебя — он говорил это Чжан Вэйдуну бесчисленное количество раз, это было самое прямое выражение его чувств. Между мужчинами не нужны излишние нежности; грубость и похоть, переполнявшие их, давали полное удовлетворение животным инстинктам.

Разлука лишь усилила страсть. Сяо Цзюньгу выкладывался на полную, яростно двигаясь, словно желая пронзить его насквозь. Чжан Вэйдун был прижат к стене, его колени были стерты в кровь, а лицо упиралось в холодную поверхность, оставляя влажный след.

От сильных толчков Чжан Вэйдун невольно застонал, что лишь заставило Сяо Цзюньгу ускориться, выбивая из него воздух.

Сяо Цзюньгу дважды поймел его прямо на полу, а затем, передохнув и выпив стакан дистиллированной воды для восстановления сил, собрался на третий заход, но Чжан Вэйдун, не выдержав, взорвался.

Пришлось вовремя остановиться. Сяо Цзюньгу, довольный, как зверь, выкурил сигарету, оделся и, отряхнувшись, отправился в компанию выполнять обязанности генерального директора.

Чжан Вэйдун чувствовал себя грязным — даже после того как неделю не мылся в горах, такого ощущения не было. Он два часа отмылся в душе, а затем усталое сел за компьютер. Тяжелое чувство в груди требовало выхода, и он вложил всю свою неудовлетворенность и гнев в музыку, на одном дыхании завершив работу над песней.

В недалеком будущем этот трек Вопрос к Будде получит высочайшие оценки как на родине, так и за рубежом. Сложная, переменчивая мелодия, сочетающая в себе буддийскую отрешенность и мирскую суету, объединила религию и рок, став эталоном китайского рока и оказав колоссальное влияние.

Однако мало кто знал, что настоящий автор песни — Чжан Вэйдун, ведь она вышла под чужим именем.

Закончив запись, Чжан Вэйдун почувствовал себя совершенно опустошенным, словно из него вынули душу. Он забрался на кровать и провалился в сон.

Сяо Цзюньгу же посчитал, что Чжан Вэйдун стал послушным — во всяком случае, теперь он возвращался вовремя и не заставлял его нервничать. Решив побаловать его, он уволил всех телохранителей.

Чжан Вэйдун проспал восемнадцать часов, пока его не разбудил настойчивый звонок телефона.

В тот же день после обеда Чжан Вэйдун на своем медлительном Хаммере в тревоге помчался в больницу. С Даху случилась беда. Подробностей он не знал — позвонила медсестра и велела привезти деньги на оплату счетов.

Оплатив расходы и оформив документы, Чжан Вэйдун наконец увидел его.

Даху лежал с гипсом на левой ноге, лицо опухло, длинные волосы спутались — жалкое, удручающее зрелище.

Чжан Вэйдуну стало не по себе. Даху, всегда такой энергичный, теперь лежал в одиночестве, не имея денег даже на лечение. Осмотрев его, он спросил:

— Ввязался в неприятности? Кто тебя так отделал?

— М-м... — Даху дернул шеей и с вызовом ответил: — Черт бы их побрал, четверо на одного, трусы!

— Кто они такие? — спросил Чжан Вэйдун.

Даху замолчал, опустив опухшие веки.

— Черт возьми, я спрашиваю, кто они! — Чжан Вэйдун с силой пнул каркас кровати.

Даху помолчал, глядя себе на грудь, и невпопад ответил:

— Дун-цзы, можешь одолжить мне сто тысяч?

Чжан Вэйдун уловил в его голосе неуверенность, увидел бегающие глаза, и недоброе предчувствие кольнуло сердце. Он все еще надеялся:

— Даху, ты задолжал кому-то? Почему? Игровые долги?

Даху засуетился:

— Помоги, меня подставили! Я просто хотел немного поиграть, а потом не смог выпутаться.

Чжан Вэйдун был глубоко разочарован. Он горько усмехнулся: больше всего на свете он ненавидел игроманов! Теперь Даху казался ему не жалкой жертвой, а отвратительным существом, и ему хотелось ударить его по лицу.

Даху, видя его помрачневшее лицо, пробормотал:

— Я не такой, как твой дядя... Меня правда подставили, поверь мне...

— Не смей упоминать его! — Чжан Вэйдун повысил голос, в его словах звучала ненависть. — Вы все заслуживаете того, что с вами происходит.

Даху, увидев, что он собирается уходить, вскочил с кровати, схватил его за руку и взмолился:

— Дун-цзы, помоги! Среди всех, с кем я знаком, ты самый успешный. Если ты не поможешь, мне конец. Ради того, сколько лет мы знакомы, выручи меня в последний раз. Обещаю, больше такого не повторится.

Чжан Вэйдун слышал эти слова сотни раз! Каждый раз — последний, последний... Пока они дышат, конца этому не будет. Удивительно, как у них язык поворачивается такое говорить! Как у его дяди, который выполнил обещание только перед тем, как выброситься из окна — потому что размозжил себе голову и больше не мог делать ставки.

Стиснув зубы, он оттолкнул руку Даху и, не оглядываясь, вышел из палаты.

Он шел прочь, а голос Даху догонял его:

— Дун-цзы! Дун-цзы! Я обязательно верну деньги, помоги мне! Я не только ради себя, я боюсь, что эти сволочи доберутся до моей жены, до детей, умоляю тебя...

Пробыв в опале почти три месяца, Чжан Вэйдун наконец был разморожен и официально вернулся к работе.

Однако он и представить не мог, что первым заданием станет роль главного героя в клипе! И это было еще не все: певицей и партнершей по клипу оказалась Чжао Юй, сценарий предполагал множество откровенных сцен, и ему предстояло сниматься с обнаженным торсом!

Чжао Юй была актрисой, песня — саундтреком к фильму, который планировали показать на презентации, проект не был чисто коммерческим.

Но вопрос оставался: неужели в шоу-бизнесе дефицит мужчин? Почему выбрали именно его?

Узнав об этом, первой реакцией Чжан Вэйдуна было допросить Чжоу Ли:

— Почему мне назначили такую работу?

Чжоу Ли невозмутимо ответила:

— Это решение босса. Он проиграл пари госпоже Чжао и по условиям обязан выполнить любое

ее желание. Так что ему пришлось одолжить тебя. Надеюсь на твое сотрудничество.

— К черту всё, мне плевать, что он проиграл! — Чжан Вэйдун был готов взорваться.

Чжоу Ли методично объяснила:

— В контракте четко прописано: ты артист компании Дунъюй, и компания имеет право планировать твою деятельность, если это не ущемляет твои интересы. Отказ невозможен.

Чжан Вэйдун лишился дара речи. Какой он артист? Он просто марионетка в руках Сяо Цзюньгу!

Чжоу Ли, прочитав его мысли, наконец сказала что-то человеческое:

— Госпожа Чжао — актриса уровня кинодивы. Сотрудничество с ней — большая удача. Да, клип будет откровенным, но в чувственном ключе, думаю, это вызовет хороший резонанс.

Чжан Вэйдун лишь фыркнул. Ему не нужна была популярность, купленная ценой собственного тела.

Но решение было принято, и он ничего не мог изменить. В душе он посылал проклятия всей семье Сяо Цзюньгу.

Был еще один человек, который не давал ему покоя — Даху. Помучившись два дня, Чжан Вэйдун решил помочь. По крайней мере, дать шанс. К тому же, если он не протянет руку помощи, они перестанут быть друзьями.

Чжан Вэйдун стоял у банкомата, вводя пароль и забирая деньги.

Сяо Ба рядом спросил:

— Брат Дун, зачем тебе столько денег?

Чжан Вэйдун серьезно ответил:

— Закажу киллера, чтобы прикончить Сяо Цзюньгу.

Сяо Ба, конечно, не поверил:

— Жизнь босса Сяо стоит гораздо дороже, брат Дун, не дури меня.

Чжан Вэйдун запихнул деньги в конверт, скрипнув зубами:

— Даже если не получится прикончить его самого, я прикончу его причиндалы.

Сяо Ба был простоват, но, видя, что Чжан Вэйдун не шутит, засомневался. Подумав немного, он решил написать Сяо Цзюньгу. Пока Чжан Вэйдун был занят вождением, он достал телефон и напечатал: Босс Сяо, брат Дун хочет отрезать твой член.

Сяо Цзюньгу, получив это абсурдное сообщение, понял, что снова взбесил Чжан Вэйдун. Он усмехнулся, не стал отвечать Сяо Ба, а сразу написал Чжан Вэйдуну: Не продается. Предназначено исключительно для личного пользования Чжан Вэйдуном. Хранить бережно, возвращать по расписанию.

Чжан Вэйдун, держась за руль, услышал сигнал телефона и, не отрывая взгляда от дороги, сказал:

— Посмотри, кто пишет.

Сяо Ба взял телефон, покраснел. Увидев, что машина въезжает на парковку больницы, он понял, что ляпнул лишнего, и испугался читать сообщение вслух. Пришлось врать:

— О, это реклама счетов-фактур, брат Дун. Я удалю, ладно?

Чжан Вэйдун не придавал значения и кивнул.

Припарковавшись, он дал указание Сяо Ба:

— Не ходи за мной, жди в машине.

Даху обедал, сидя на кровати. Увидев Чжан Вэйдуна, он просиял, отложил ложку и с надеждой посмотрел на него.

Чжан Вэйдун бросил конверт ему на колени:

— Первый и последний раз. Постарайся не влипнуть снова.

Даху радостно закивал:

— Обязательно, обязательно.

Глядя на его подбострастный вид, Чжан Вэйдун почувствовал жалость. Он сел на край кровати и смягчился:

— Врач сказал, тебе лежать еще неделю. Нужно что-нибудь купить? Я принесу.

Даху ответил:

— Не стоит беспокоиться. Дун-цзы, спасибо. После этого случая я понял: кто-то на словах готов помочь, а как до дела доходит — только плачутся, что денег нет. Ты — единственный настоящий друг.

Чжан Вэйдун нахмурился:

— Помощь — это проявление доброй воли, а не обязанность. Никто тебе ничего не должен.

— Ладно, теперь я буду знать, кто есть кто. — Даху усмехнулся, качая загипсованной ногой. — Эти дни я смотрел, как к соседям приходят родственники, и мне было так завидно. Ты скажи, почему другие женятся, я тоже женился, а живу как одинокий пес? Хорошо, когда есть братья, а бабы — все до единой неблагодарные твари!

Чжан Вэйдун промолчал, похлопав его по плечу в знак утешения.

Даху сменил тему:

— Кстати, ты с Сяо Цзюньгу, ну, с Маодоу, еще общаешься?

<http://bllate.org/book/20766/2083748>